

Стефан Цвейг

Масштабный сериал
«Мария — королева Шотландии»

Женщина, которую называли убийцей,
мученицей, интриганкой, святой...

Стефан Цвейг — выдающийся австрийский писатель и драматург. Наибольшую известность Цвейгу принесли его произведения в жанре романизированной биографии. Его книга «Мария Стюарт» признана одним из лучших романов о жизни великих людей.

В юном возрасте Мария Стюарт была коронована в Шотландии и Франции. С детством пришлось проститься, ведь королеве нужно быть жесткой и мудрой не по годам. В шестнадцать лет она вышла замуж, спустя год — овдовела. Из Франции она возвращается в родную Шотландию, где ей предстоит править своим народом. Любая ошибка будет стоить ей короны. Именно этого жаждет кузина Марии — Елизавета I, королева Англии. Наладить отношения с кузиной не удастся, и Мария понимает, что время дипломатии прошло. В борьбе за власть у нее есть только два пути: победить любой ценой или проиграть.

ISBN 978-617-12-5132-8

9 786171 251328

Стефан Цвейг
Мария Стюарт

Мария—
Стюарт

Stefan Zweig

MARIA
STUART

ROMAN

Стефан Цвейг

Мария — СТЮАРТ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.112.2
Ц26

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Перевод с немецкого *Екатерины Бучиной*

Дизайнер обложки *Анастасия Кустова*

ISBN 978-617-12-5132-8

- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

Вступление

Ясное и очевидное объясняет само себя, а вот тайна способна пробудить творчество. Именно поэтому исторические события и личности, окутанные дымкой неизвестности, постоянно требуют переосмысления и просятся на страницы книг. Фактически классическим примером столь неиссякаемой притягательности тайны исторической проблемы может послужить нам трагедия жизни Марии Стюарт. Вряд ли во всемирной истории найдется другая женщина, которой было бы посвящено столько литературных трудов: драм, романов, биографий и дискуссий. За более чем три сотни лет она снова и снова манила поэтов, будоражила умы исследователей — ее образ снова и снова, с неиссякаемой силой требовал все нового и нового изображения. Ибо такова природа всего запутанного: стремиться к ясности подобно тому, как тьма стремится к свету.

Но сколь часто и противоречиво ни пытались бы представить и истолковать жизненную тайну Марии Стюарт, поистине не найдется женщины, которую изображали бы настолько по-разному: ее то представляли убийцей, то мученицей, то глупой интриганкой, то дивной святой. Удивительно, однако, что разнообразие ее образов обусловлено не недостатком дошедших до нас материалов, а поразительным их избытком. Число сохранившихся документов, протоколов, актов, писем и отчетов насчитывает тысячи тысяч: за минувшие три сотни лет процесс доказательства ее вины или безвинности начинался заново несчетное множество раз. Но чем тщательнее изучаешь источники, тем болезненнее осознается с их помощью спорность всех исторических

свидетельств (а значит, и изображения). Ибо даже если подтверждена их давность и архивная подлинность, это во все не значит, что документ надежен и по-человечески правдив. Случай Марии Стюарт со всей очевидностью демонстрирует нам, насколько сильно может различаться описание современниками одного и того же часа, одного и того же события. И вот уже документально подтвержденному «да» противопоставляется документально подтвержденное «нет», на любое обвинение найдется оправдание. И ложное настолько спуталось с правдивым, а выдуманное — с реальным, что поистине любую точку зрения можно представить с достаточной убедительностью: если хочется доказать, что была она тоже виновна в убийстве своего супруга, можно привести дюжины свидетельских показаний, равно как и в том случае, когда угодно представить ее непричастной; для любого, кто захочет расписать ее характер, все краски смешаны уже давно. Когда же к этой сумятице доступных сообщений примешать еще политическую заинтересованность или национальный патриотизм, образ исказится еще сильнее. И без того в природе человеческой заложено, что, если уж зашла речь о споре о бытии и небытии двух людей, двух идей, двух мировоззрений, весьма непросто избежать искушения занять какую-то из сторон, признать ее правоту и неправоту другой, назвать одну виновной, а другую — безвиной. Если же, как в описываемом нами случае, сами изображающие принадлежат к одной из воюющих сторон, религий или мировоззрений, их однобокость фактически предопределена с самого начала; как правило, все авторы-протестанты без устали взваливают всю вину на Марию Стюарт, а католики — на Елизавету. Писатели-англичане, за редким исключением, выставляют ее убийцей, а шотландцы — безвиной жертвой подлой клеветы. Что же до самого спорного объекта дискуссий, «писем из ларца», то они столь же непоколебимо клянутся в их подлинности, как

Мария Стюарт

другие ее опровергают. И так каждая мелочь пропитана политическими пристрастиями. Возможно, именно поэтому неангличанин или нешотландец, в крови у которого нет этого предубеждения и зависимости, способен быть более объективным и беспристрастным. Возможно, ему скорее удастся подойти к этой трагедии, с одной стороны, с пылким, а с другой — непредвзятым интересом.

Поистине, с его стороны тоже было бы дерзостью заявить, что ему ведома истина, исключительная истина знания всех обстоятельств жизни Марии Стюарт. Он может выдвигать лишь максимально вероятные предположения, и даже с учетом того, что он в меру своих знаний и убеждений принимает за объективность, он все равно остается субъективным. Ибо поскольку источники не чисты, в этой мутной воде и доведется ему пытаться добиться ясности. Поскольку современные сообщения противоречат друг другу, ему, столкнувшись со всякой мелочью, доведется выбирать между свидетельствами обвинителей и оправдателей. И сколь осторожно ни подходил бы он к процессу выбора, иногда лучше всего будет, если он поставит знак вопроса на своем мнении и признается себе, что правдивость того или иного факта жизни Марии Стюарт так и осталась неподтвержденной и, вероятно, останется таковой навек.

Поэтому в представленной вашему суду попытке я строго придерживаюсь принципа, не позволяющего мне оценивать все те свидетельства, что были вырваны под пытками, продиктованы страхом или принуждением: истинно ищущий правды никогда не должен полностью доверять вынужденно данным признаниям. Точно с той же крайней осторожностью следует относиться к докладам шпионов и послов (в то время это было практически одно и то же), изначально сомневаясь в любом документе; несмотря на то, что здесь считается, что сонеты и, по большей части,

«письма из ларца» следует полагать правдивыми, можно утверждать, что к этому выводу автор пришел после строжайших проверок и приняв во внимание убедительные лично для него причины. Всякий раз, когда в архивных документах пересекаются противоречивые утверждения, я тщательно проверял оба варианта на предмет происхождения и наличия политического мотива, если уж необходимо было сделать выбор между одним и другим, а последним мерилom служила проверка психологической сопоставимости того или иного действия с характером персонажа.

Ибо сам по себе характер Марии Стюарт отнюдь не загадочен: он противоречив лишь во внешних своих проявлениях, а внутри прямолинеен и недвусмыслен от начала и до конца. Мария Стюарт принадлежит к одному из тех редких и волнительных типов женщин, чья способность переживать ограничена весьма коротким промежутком времени, которые цветут недолго, но ярко, которые проявляют себя не на протяжении всей жизни, а лишь в узких и пылких рамках одной-единственной страсти. Вплоть до двадцатитрехлетнего возраста ее чувство лишь тлело, да и после двадцатипятилетнего тоже не полыхнуло ни разу, зато за два кратких года она пережила всплеск, подобный стихии урагана, вдруг превративший посредственную судьбу в трагедию античного масштаба, столь же великую и мощную, как «Орестея». Лишь в эти два года Мария Стюарт превращается в поистине трагический персонаж, лишь под их давлением и переполняемая ими она вырастает над собой, круша и в то же время сберегая свою жизнь для вечности. И только благодаря одной этой страсти, уничтожившей ее как человека, ее имя до сих пор продолжает жить, претерпевая поэтические толкования.

И эта особая форма внутренней биографии, сжавшаяся до единственного мгновения взрыва, с самого начала предопределяет форму и ритм любого изображения Марии

Мария Стюарт

Стюарт; единственное, к чему должен стремиться любой из моделирующих ее авторов, — это представить стремительно взлетевшую и столь же молниеносно обрушившуюся кривую жизни во всей ее головокружительной уникальности. Поэтому не стоит удивляться, если описанные в этой книге длинные временные промежутки ее первых двадцати трех лет жизни и, опять же, почти двадцать лет ее заключения вместе занимают не больше времени, чем два года страстной трагедии. Ибо в сфере одной прожитой судьбы внешнее и внутреннее время совпадают лишь на первый взгляд; на самом же деле только наполненность событиями и может служить мерилom души: она совсем иначе отмеряет часы изнутри, нежели безучастный календарь. Опьяненной чувствами, радостной и расслабленной, оплодотворенной судьбой, ей в краткий срок может открыться бесконечная полнота, а когда душа отрешится от страсти, долгие годы предстанут перед ней бесконечной пустотой, скользкими тенями, глухим Ничто. Поэтому в любой жизненной истории важны лишь напряженные, решительные мгновения, поэтому лишь в них и ими рассказанная предстает она перед нами по-настоящему. И только тогда, когда человек ставит на кон все свои силы, он поистине оживает для себя и для других; лишь тогда, когда душа пылает и полыхает изнутри, может сформироваться и внешний образ.

Действующие лица

Первое место действия: Шотландия 1542—1548

Второе место действия: Франция 1548—1561

Третье место действия: Шотландия 1561—1568

Четвертое место действия: Англия 1568—1587

Шотландия

ИАКОВ V (1512—1542), отец Марии Стюарт

МАРИЯ ДЕ ГИЗ ЛОТАРИНГСКАЯ (1515—1560), его
супруга, мать Марии Стюарт

МАРИЯ СТЮАРТ (1542—1587)

ДЖЕЙМС СТЮАРТ, ГРАФ МЕРРЕЙСКИЙ (1533—
1570), внебрачный сын Иакова V от Маргариты Дуглас,
дочери лорда Эрскина, единокровный брат Марии Стюарт,
регент Шотландии до и после правления Марии Стюарт

ГЕНРИХ ДАРНЛЕЙ (СТЮАРТ) (1546—1567), правнук
Генриха VII по матери леди Леннокс, племяннице Ген-
риха VIII. Второй супруг Марии Стюарт, в этом каче-
стве — соправитель Шотландии

ИАКОВ VI (1566—1625), сын Марии Стюарт и Генриха
Дарнлея. После смерти Марии Стюарт (1587) — пол-
ноправный король Шотландии, после смерти Елизаве-
ты (1603) — король Англии, под именем Иакова I

ДЖЕЙМС ХЕПБЕРН, ГРАФ БОСУЭЛЛСКИЙ (1536—
1578), позднее герцог Оркнейский и третий супруг Ма-
рии Стюарт

УИЛЬЯМ МЕЙТЛЕНД ЛЕТИНГТОНСКИЙ, государ-
ственный секретарь в период правления Марии Стюарт

Мария Стюарт

ДЖЕЙМС МЕЛВИЛЛ, дипломат и доверенное лицо Марии Стюарт

ДЖЕЙМС ДУГЛАС, ГРАФ МОРТОНСКИЙ, регент Шотландии после убийства Меррея, казнен в 1581 г.

МЭТЬЮ СТЮАРТ, ГРАФ ЛЕННОКСКИЙ, отец Генриха Дарнлея, главный обвинитель Марии Стюарт после его убийства

Лорды, становившиеся то сторонниками Марии Стюарт, то ее противниками, постоянно заключали союзы друг с другом и строили козни друг против друга, почти все без исключения кончили жизнь на эшафоте:

АРГАЙЛ

АРАН

МОРТОН ДУГЛАС

ЭРСКИН

ГОРДОН

ГАРРИС

ХАНТЛЕЙ

КЕРКОЛДИ ГРЕЙНДЖСКИЙ

ЛИНДСЕЙ

МАР

РУТВЕН

11

Четыре Марии, сверстницы и подруги Марии Стюарт:

МЭРИ БИТОН

МЭРИ ФЛЕМИНГ

МЭРИ ЛИВИНГСТОН

МЭРИ СЕТОН

ДЖОН НОКС (1502—1572), проповедник реформаторской церкви, главный противник Марии Стюарт

ДАВИД РИЧЧО, музыкант и секретарь при дворе Марии Стюарт, убит в 1566 г.

ПЬЕР ДЕ ШАТЕЛЯР, французский поэт при дворе Марии Стюарт, казнен в 1563 г.

ДЖОРДЖ БЬЮКЕНЕН, гуманист и воспитатель Иакова VI, составитель наиболее злобных пасквилей против Марии Стюарт

Франция

ГЕНРИХ II (1518—1559), с 1547 г. король Франции

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ (1519—1589), его супруга

ФРАНЦИСК II (1544—1560), их старший сын, первый супруг Марии Стюарт

Карл IX (1550—1574), младший брат Франциска II, после смерти последнего — король Франции

Четверо представителей дома Гизов:

КАРДИНАЛ ЛОТАРИНСКИЙ

КЛОД ДЕ ГИЗ

ФРАНСУА ДЕ ГИЗ

АНРИ ДЕ ГИЗ

Поэты, прославлявшие Марию Стюарт в своих сочинениях:

РОНСАР

ДЮ БЕЛЛЕ

БРАНТОМ

Англия

ГЕНРИХ VII (1457—1509), с 1485 король Англии. Дед и прадед Марии Стюарт и Дарнлея

ГЕНРИХ VIII (1491—1547), его сын, король с 1509 г.

АННА БОЛЕЙН (1507—1536), вторая супруга Генриха VIII, обвинена в прелюбодеянии и казнена

МАРИЯ I (1516—1536), дочь Генриха VIII от брака с Екатериной Арагонской, после смерти Эдуарда VI (1553) — королева Англии

Мария Стюарт

ЕЛИЗАВЕТА (1533—1603), дочь Генриха VIII и Анны Болейн, при жизни ее отца объявлена незаконнорожденной, но после смерти ее единокровной сестры Марии (1558) — королева Англии

ЭДУАРД VI (1537—1553), сын Генриха VIII от третьего брака с Джоанной Сеймур, в детстве был помолвлен с Марией Стюарт, с 1547 г. король

ИАКОВ I, сын Марии Стюарт, преемник Елизаветы

УИЛЬЯМ СЕСИЛ, ЛОРД БЕРЛИ (1520—1598), всемогущий доверенный государственный секретарь Елизаветы

СЭР ФРЭНСИС УОЛСИНГЕМ, государственный секретарь и министр полиции

УИЛЬЯМ ДЕВИСОН, второй секретарь

РОБЕРТ ДАДЛИ, ГРАФ ЛЕСТЕРСКИЙ (1532—1588), фаворит и доверенное лицо Елизаветы, предложен ею на роль супруга Марии Стюарт

ТОМАС ХОУАРД, ГЕРЦОГ НОРФОЛКСКИЙ, первый аристократ империи, претендент на руку Марии Стюарт

ТОЛБОТ, ГРАФ ШРУСБЕРИЙСКИЙ, по поручению Елизаветы пятнадцать лет был стражем Марии Стюарт

ЭМИАС ПАУЛЕТ, последний тюремщик Марии Стюарт

ЛОНДОНСКИЙ ПАЛАЧ

Глава первая

Королева с колыбели

1542—1548 годы

Шесть дней от роду было Марии Стюарт, когда она стала королевой Шотландии: с самого начала заработал закон ее жизни: получать от судьбы все слишком рано, в дар, не испытывая радости осознания. В мрачный декабрьский день 1542 года — родилась она в замке Линлитгау — в одном из соседних замков лежал на смертном одре ее отец, ему был всего тридцать один год от роду, но жизнь уже сломила его, утомила корона, утомили сражения. Он был храбрым рыцарем, когда-то даже веселым, страстно любил искусство и женщин, не гнушался народа; часто, переодевшись, выходил на праздник в деревни, танцевал и шутил с крестьянами, и некоторые из написанных им песен и баллад еще долго жили в памяти народа. Но этот злосчастный наследник злосчастливого рода родился в смутное время в негостеприимной стране, и с самого начала была предначертана ему трагическая судьба. Его сильный духом и неуживчивый сосед Генрих VIII настаивал на введении реформации, однако Иаков V остался верен католицизму; шотландская знать, которая всегда была не прочь создать трудности своему правителю, тут же воспользовалась воцарившимся раздором и ввергла веселого и миролюбивого мужа в состояние постоянной тревоги и войны. Четыре года тому назад, когда Иаков V сватался к Марии де Гиз, он точно описал превратности и тяготы королевского бремена при этом твердолобом и алчном клане.

«Мадам, — писал он в этом поразительно искреннем письме, — мне всего двадцать семь лет, и жизнь уже тяготит меня так же, как и моя корона... С детства оставшись сиротой, я стал пленником тщеславных аристократов; могущественный дом Дугласов долгое время держал меня в подчинении, и я ненавижу это имя и всякое воспоминание об этом. Арчибальд, граф Ангус, Георг, его брат, и все их отправленные в изгнание родственники беспрерывно настраивают против нас короля Англии, в моей державе не найдется ни одного дворянина, которого он не соблазнил бы обещаниями или не подкупил бы золотом. Моя особа не в безопасности, никто не поручится, что будет по-моему, что законы будут справедливы. Все это пугает меня, мадам, и я ожидаю от Вас силы и совета. Я пытаюсь украшать замки, поддерживать обороноспособность крепостей и строить суда — без денег, ограничиваясь лишь той поддержкой, что получаю от Франции, да благодаря незначительным пожертвованиям от моего богатого духовенства. Вот только бароны мои считают короля, который по-настоящему хочет быть королем, невыносимым соперником. Несмотря на дружбу с королем Франции и поддержку его войск, несмотря на любовь моего народа, я все же боюсь, что не сумею одержать решительную победу над баронами. В попытке расчистить путь к справедливости и покою для этого народа я мог бы преодолеть все препятствия и, возможно, сумел бы достичь этой цели, если бы аристократию моей страны никто не поддерживал. Вот только король Англии беспрестанно сеет раздор меж нами, а те разрушительные ереси, что он насадил в моей державе, просачиваются даже в сами церковные круги и в народ. А ведь сила моя и моих предков основывалась исключительно на горожанах да церкви, и здесь я вынужден спросить себя: много ли времени отпущено еще этой силе?»

Свершились все беды, предсказанные королем в этом провидческом письме, и даже более того. Оба сына, которых подарила ему Мария де Гиз, умерли еще в колыбели, и король Иаков V, мужчина в полном расцвете сил, никак не мог дожидаться наследника короны, что с каждым годом давило на него все сильнее и болезненнее. В конце концов шотландские бароны толкнули его против воли на войну со значительно превосходившей его по силам Англией, чтобы потом, в решительный час, предательски бросить одного. В битве при Солуэй-Моссе Шотландия не просто проиграла бой, она утратила честь: толком не сражаясь, лишённые предводителей войска, оставленные главами кланов, самым жалким образом разбежались; однако сам король, этот всегдашний рыцарь, в тот решительный час боролся уже отнюдь не с чужими врагами, а с собственной смертью. Снедаемый жаром и усталостью, он лежал в постели в Фолклендском замке, утомленный бессмысленными сражениями и тягостной жизнью.

Тогда-то, в тот мрачный зимний день 9 декабря 1542 года, когда окна застил туман, в двери постучал гонец и сообщил уставшему умирать больному, что у него родилась дочь, наследница. Вот только ни надеяться, ни радоваться у истерзанной души Иакова V не осталось сил. Почему не сын, не наследник? Обреченный на смерть во всем видит лишь несчастье, трагедию и упадок, а потому разочарованно ответил:

— Женщина дала нам корону, женщина ее и заберет, — и это мрачное пророчество стало его последними словами.

Вздохнув, он отвернулся к стене и перестал отвечать на вопросы. Его похоронили спустя несколько дней, и Мария Стюарт, едва успев увидеть мир, стала наследницей королевства.

Это наследие вдвойне непросто: быть Стюарт и королевой Шотландии, ибо никому из Стюартов на этом троне до

Мария Стюарт

сих пор не везло и никто из них не задерживался на нем надолго. Два короля, Иаков I и Иаков III, были убиты, еще двое, Иаков II и Иаков IV, пали на поле боя, а двоим их потомкам, этому безвинному дитяти и внуку по крови, Карлу I, судьба уготовала еще более жестокую участь: эшафот. Никому из этого рода Атреева не было даровано насладиться полнотой жизни, никому не светили звезды удачи. Стюартам вечно приходилось сражаться с врагами внешними, врагами внутри державы и с самими собой, их вечно окружала тревога, и тревога же была внутри. И столь же беспокойна, как они сами, их страна, и наиболее вероломна в ней те, кто должен был бы быть в числе самых преданных: лорды и бароны, этот угрюмый и необузданный, этот жадный и воинственный, этот упрямый и непреклонный рыцарский род — «un pays barbare et une gent brutelle», как недовольно жалуется Ронсар, поэт, которого занесло в эту туманную страну. Чувствуя себя в своих загородных поместьях и замках маленькими королями, лорды и бароны произволом гонят, точно убойный скот, подвластных им пахарей и пастухов в свои нескончаемые стычки и набеги, ибо неведома этим безграничным правителям кланов иная радость бытия, нежели война. Раздоры — их страсть, ревность движет ими, и думают они всю свою жизнь только о власти. «Деньги и выгода, — пишет французский посланник, — вот единственные сирены, к которым прислушиваются шотландские лорды. И если говорить с ними о долге по отношению к своим князьям, чести, справедливости, добродетели и благородных поступках, то это вызовет у них лишь приступ безудержного смеха». В своей аморальной склочности и вороватости подобны они итальянским кондотьерам, однако не столь культурны и безудержны в своем потакании инстинктам, и постоянно дерутся они за право превосходства, все эти древние и могущественные кланы Гордонов, Гамильтонов,

Аранов, Мейтлендов, Кроффордов, Линдсеев, Ленноксов и Аргайлов. Они то мирно пасутся бок о бок на своих стародавних феодах, то, заключив торжественный союз, уверяют друг друга в недолговечной верности, чтобы объединиться против третьего, постоянно образуя клики и шайки, но в глубине души все они чужие друг другу, и всякий, не смотря на все родственные или свойские связи, неуждержимо завидует и враждует с другими. Что-то языческое и варварское продолжает жить в этих диких душах, и как бы они себя ни звали, католиками ли, протестантами ли — как то диктует им выгода, — но на самом деле все они внуки Макбета и Макдуфа, кровавые тайны, великолепно описанные Шекспиром.

И только в одном-единственном случае вся эта неукротимая и ревнивая банда объединяется сразу же: всякий раз, когда нужно не дать воли их общему повелителю, собственному королю, ибо всем им в равной мере невыносимо повиновение и неведома верность. Если уж эта «parcel of rascals»¹, как заклеил их прашотландец Бернс, и согласна терпеть над своими замками и владениями некую призрачную королевскую власть, то происходит это исключительно из чувства ревности и соперничества между кланами. Гордоны позволили Стюартам носить корону лишь затем, чтобы она не досталась Гамильтонам, а Гамильтоны — из соперничества с Гордонами. Но горе королю Шотландии, если он подобно настоящему правителю попытается вынудить страну подчиняться и вести ее к порядку, если он в своем юношеском задоре дерзнет выступить против высокомерия и жадности лордов! Тогда эта недружелюбная шайка сразу же объединится с целью лишить своего правителя власти, и если не удастся сделать это при помощи меча, то к услугам всегда кинжал убийцы.

¹ Кучка проходимцев (англ.) (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Это трагическая, раздираемая страстями страна, мрачная и романтическая, словно баллада, это омываемое морем крохотное островное королевство на крайнем севере Европы, да еще к тому же и бедное. Ибо все силы выпивает ведущаяся здесь извечная война. Горстка городов, которые и городами назвать-то трудно, ибо представляют они собой всего лишь сбившиеся под защиту крепостных стен домишки бедняков, так и не смогли разбогатеть или хотя бы породить зажиточное мещанство. А дворянские замки, опять же, мрачные и массивные руины которых до сегодня возвышаются над холмами, нельзя назвать настоящими замками, с их роскошью и придворным изобилием; они предназначены для войны, задуманы как неодолимые крепости, а вовсе не нежному искусству гостеприимства. Меж немногими крупными кликами и их приспешниками практически отсутствует питательная, державообразующая сила созидательного среднего класса. Единственная густо населенная местность между Твидом и заливом, в который впадает река, расположена слишком близко к английской границе, и ее постоянно разрушают и опустошают в ходе набегов. Зато на севере можно часами бродить вдоль заброшенных озер, пустынных пастбищ или мрачных северных лесов, не встретив ни одной деревни, замка или города. Здесь нет такого, как в переполненных европейских землях, чтобы городки ютились бок о бок друг с другом, здесь нет дорог, которые облегчали бы транспорт и торговлю, здесь, в отличие от Голландии, Испании или Англии, не выходят из расцветенных флагами рейдов суда, чтобы привезти золото или пряности из далеких океанов; как и в давние патриархальные времена, люди с трудом перебиваются овцеводством, рыбной ловлей да охотой: по законам и обычаям, богатству и культуре тогдашняя Шотландия отстает от Англии и Европы лет на сто. В то время как во всех прибрежных городах с началом Нового времени

уже расцветали банки и биржи, здесь, как и в библейские времена, все богатство измеряется землями да овцами; десять тысяч их у Иакова V, отца Марии Стюарт, и они и составляют его единственное достояние. Нет у него драгоценностей короны, нет армии, нет лейб-гвардии для закрепления собственной власти, ибо он не смог бы ей платить, а парламент, где все решения принимают лорды, никогда не согласится предоставить своему королю истинных средств власти. Все, что есть у этого короля, кроме самого необходимого, дали ему займы или подарили богатые союзники, Франция и Папа Римский; все ковры, все гобелены, все люстры в его покоях куплены унижением. И эта вечная бедность — тот гнойник, который истощает политические силы этой прекрасной, благородной страны. Ибо из-за бедности и жадности ее королей, ее солдат и лордов она постоянно остается кровавым мячиком в игре других сил. Кто сражается против короля за протестантизм — получает жалованье в Лондоне, кто за католицизм и Стюартов — в Париже, Мадриде и Риме: все эти иноземные державы с радостью и охотой платят за шотландскую кровь. А две великие нации, Англия и Франция, все никак не могут решить свой спор, поэтому ближайший сосед Англии — незаменимый партнер в игре для Франции. Всякий раз, когда армии англичан прорываются в Нормандию, Франция тут же вонзает этот кинжал в спину Англии; и всегда готовые повоевать шотландцы нарушают «Border»¹ и набрасываются на своих «auld enimies»², даже в мирные времена представляя серьезную угрозу. Военная поддержка Шотландии — извечная головная боль французской политики, и это естественно, ибо Англия, в свою очередь, вечно жаждет сломить ее, подначивая лордов и подогревая

¹ Граница (англ.).

² Давних врагов (англ.).

Мария Стюарт

постоянные восстания. Так эта несчастная страна становится кровавым полем боя столетней войны, и окончательно решит все только судьба этого еще ничего не подзревающего ребенка.

Невероятно драматичный символизм заключается в том, что эта битва начинается у колыбели Марии Стюарт. Пока что еще этот младенец не умеет говорить, не умеет думать, не может чувствовать, едва способен шевелить крохотными ручками в детском конвертике — а политика уже вцепилась в ее неразвившееся тело, незамутненную душу. Ибо такова горькая судьба Марии Стюарт — вечно быть пешкой в этой расчетливой игре. Она так никогда и не сможет спокойно соткать свое Я, свою самость, ей вечно быть впутанной в политику, быть объектом дипломатии, игрушкой чужих желаний, всегда лишь королевой, претенденткой на корону, союзницей или врагом. Едва посланник доставил в Лондон оба послания — о смерти Иакова V и о том, что его новорожденная дочь стала наследницей и королевой Шотландии, — как Генрих VIII, король Англии, сразу же принял решение как можно скорее посватать своего несовершеннолетнего сына и наследника Эдварда к этой весьма ценной невесте; еще несформировавшимся телом, еще спящей душой сразу же стали торговать, как товаром. Ведь политика никогда не считается с чувствами, ей важны лишь короны, земли и права наследования. Отдельных людей для нее просто не существует, они не важны на фоне очевидных и материальных ценностей всемирной игры. Однако в этом особом случае идея Генриха VIII произвести помолвку наследницы Шотландии с наследником Англии была здоровой и даже гуманной. Ибо эта беспрестанная война между братскими народами давно утратила свой смысл. Живущим на одном острове в Мировом океане, отделенным и омываемым одними

и теми же морями, родичам по расе, имеющим сходные жизненные условия народам Англии и Шотландии, несомненно, выпала одна задача: объединиться, — и природа явно дала им почувствовать свою волю. Однако же ревность между двумя династиями — Тюдорами и Стюартами — пока еще стоит на пути у этой последней цели; если же сейчас благодаря свадьбе удастся превратить раздор между двумя правящими домами в союз, то общие потомки Стюартов и Тюдоров смогут быть одновременно королями Англии, Шотландии и Ирландии, и объединенная Великобритания сможет вступить в более важный бой: за главенство в мире.

Какой злой рок: всякий раз, когда в политике кому-то вдруг приходит ясная и логичная идея, все может испортить глупое исполнение. Поначалу все складывалось просто великолепно. Лорды, в карманы которых быстро посыпались деньги, радостно согласились на брачный договор. Вот только хитроумному Генриху VIII мало обыкновенного пергамента. Слишком уж часто сталкивался он с лицемерием и жадностью этих «людей чести», чтобы не знать, что этих ненадежных союзников никогда не связать договором и что, если им предложат больше, они с готовностью продадут королеву-дитя наследнику французского трона. Поэтому в качестве первого условия он потребовал от посредников со стороны Шотландии немедленной передачи несовершеннолетнего дитяти Англии. Но если Тюдоры не доверяют Стюартам, то у Стюартов есть не меньше причин вести себя так же по отношению к Тюдорам, и больше всех противится этому договору мать Марии Стюарт. Воспитанная в строгой католической вере, урожденная де Гиз, она не хочет отдавать свое дитя ересиархам, да и в остальном без труда нашла в договоре опасные капканы. Ибо в тайном параграфе подкупленные посредники со стороны Шотландии подписали обязательство о том, что

в случае, если дитя умрет до срока, посодействовать тому, чтобы, несмотря на это, «вся власть и владения королевства» перешли к Генриху VIII: и вот этот-то пункт и заставил ее задуматься. Ибо от человека, уже отправившего на эшафот двух своих жен, вполне можно ожидать, что он, дабы поскорее заполучить важное наследство, может несколько ускорить смерть этого ребенка неестественным путем; поэтому королева, будучи заботливой матерью, от передачи своей дочери в Лондон отказалась. Так и получилось, что сватанье едва не превратилось в войну. Генрих VIII отправил войска, чтобы силой завладеть драгоценным залогом, и в духе неприкрытой грубости того времени его приказ собственной армии представляется примером величайшей жестокости: «Такова воля Его Величества, дабы предано было все огню и мечу. Сожгите Эдинбург дотла, сровняйте его с землей, когда вынесете оттуда все, что сможете, и разграбите его полностью... Опустошите Холируд и столько городов и деревень, сколько сможете, разграбьте, сожгите и подчините себе Лит и все остальные города, нещадно вырезайте мужчин, женщин и детей, которые будут оказывать сопротивление». Вооруженные банды Генриха VIII прорываются через границы подобно орде гуннов, однако в последний миг мать и дитя успели перевезти в укрепленный замок Стерлинг, и Генриху VIII пришлось довольствоваться договором, в котором Шотландия обязуется передать Марию Стюарт (вечно ею торгуют и продают, словно предмет) в день, когда ей исполнится десять лет.

В который раз стало казаться, что дело устроилось наилучшим образом. Но политика во все времена была наукой противоречий. Ей противны простые, естественные и разумные решения; нет для нее большего удовольствия, чем сложности, и раздор — ее стихия. Вскоре католики принялись втайне судачить о том, не лучше ли продать

дитя — которое пока что может лишь гулить да улыбаться, — сыну короля Франции, а не Англии, и после смерти Генриха VIII ни у кого нет особого желания выполнять договор. Вот только теперь вместо несовершеннолетнего короля Эдварда передачи дитяти-невесты в Лондон требует регент Англии Сомерсет, а когда Шотландия воспротивилась, он спустил с цепи армию, дабы лорды услышали единственный язык, который способны чтить: силу. Десятого сентября 1547 года в битве — или, скорее, резне — при Пинки шотландские войска были разбиты, на поле боя остались более десяти тысяч погибших. Марии Стюарт еще не исполнилось пяти лет, а за нее уже льются реки крови.

Беспомощная, лежала Шотландия перед Англией. Но в разграбленной стране и воровать уже особенно нечего; для Тюдоров у нее есть одна-единственная драгоценность: это дитя, сочетающее в себе корону и право на нее. Однако, к отчаянию английских шпионов, Мария Стюарт внезапно исчезла из замка Стерлинг; никто даже среди ближайших доверенных лиц не знал, куда спрятала ее королева-мать. Ибо защищенное гнездышко для нее выбрано просто прекрасно: под покровом ночи и в строжайшей тайне надежные слуги вывезли дитя в монастырь Инчмэхом, скрытый в непроходимой глуши на маленьком островке на озере Ментит, или же, как выразился посол Франции, «dans le pays des sauvages»¹. В это романтическое местечко не ведет ни один мостик: доставить драгоценный груз на берег острова можно только в лодке, а там уже набожные леди присмотрят за тем, чтобы она никогда не покинула пределов монастыря. Там, в полном уединении, отрезанное от бурного и беспокойного мира, и жило в тени событий невинное дитя, а дипломатия тем временем деловито ткала его судьбу между странами

¹ В стране дикарей (*фр.*).

Мария Стюарт

и морями. Ибо теперь на сцену угрожающе выступила Франция, намереваясь покончить с полным подчинением Шотландии Англией. Генрих II, сын Франциска I, отправил сильный флот, и от его имени генерал-лейтенант французского вспомогательного корпуса просил руки Марии Стюарт для его сына и наследника престола, Франциска. Благодаря политическим ветрам, резко и воинственно ринувшихся через пролив, судьба этого дитяти переменялась в мгновение ока: вместо того чтобы стать королевой Англии, маленькая дочь Стюартов вдруг оказалась избранной на роль королевы Франции. И не успели высохнуть чернила на пергаменте этой новой выгодной сделки, как седьмого августа этот драгоценный объект спекуляций, девочку Марию Стюарт, пяти лет и восьми месяцев от роду, собрали и отправили во Францию, навеки продав другому, столь же неизвестному супругу. В который раз, да и не в последний, чужая воля лепила и меняла ее судьбу.

25

Блажен детский дар неведения. Что может знать трех-, четырех- или пятилетний ребенок о войне и мире, о битвах и договорах? Что для него названия вроде Франции и Англии, имена вроде Эдварда и Франсуа, что ему все это дикое безумие мира? Маленькая девочка с развевающимися на ветру белокурыми волосами и стройными ногами бегаёт и играет в темных и светлых покоях замка, а вместе с ней — четыре подружки-болтушки. Ибо — коварная мысль в то варварское время — ей с самого начала дали четырех подруг того же возраста, отобранных из самых благородных домов Шотландии, и четырехлистник четырех Марий — Мэри Флеминг, Мэри Битон, Мэри Ливингстон и Мэри Сетон. Сами дети — сегодня они веселые наперсницы этого дитяти, а завтра станут подругами на чужбине, чтобы чужбина не казалась ей такой чужой, — позднее будут придворными дамами и однажды в настроении

сердечном поклянутся не вступать в брак ранее, чем она сама изберет себе супруга. И когда трое потом отвернутся от нее в несчастье, одна пойдет за ней в изгнание и останется рядом до смертного часа: так блеск веселого детства будет светить ей даже в самые мрачные часы. Только как далеко еще те мрачные и гибельные дни! Сейчас же пять девочек весело играют в замке Холируд или Стерлинг, ничего не знают о высочестве, достоинстве и королевстве, неведомы им его гордость и опасности. А затем настанет вечер и маленькую Марию вынесут среди ночи из детской кровати; на пруду будет ждать лодка, ее перевезут на остров, где так тихо и хорошо, — Инчмэхом, место мира. Там ее встретят чужие мужчины, одетые не так, как другие, все в черном, в просторных развевающихся сутанах. Однако же они мягки и дружелюбны, красиво поют в комнате с высокими сводами и разноцветными окнами, поэтому ребенок к ним привыкает. А потом, уже в другой вечер, ее снова забирают (так всегда и доведется путешествовать и бежать Марии Стюарт, под покровом ночи, от одной судьбы к другой), и она вдруг окажется на огромном корабле с трепещущими на ветру парусами, в окружении незнакомых воинов и бородатых матросов. Но зачем же ей, маленькой Марии, бояться? Все так мило, приветливы и добры, и семнадцатилетний брат Джеймс — один из множества бастардов, зачатых Иаковом V еще до брака, — гладит ее белокурые волосы, рядом с ней — четыре Мэри, любимые подружки. И вот пять маленьких девочек весело играют среди пушек французского боевого корабля и одетых в броню матросов, восторженные и счастливые, как дети перед любыми неожиданными переменами. А наверху, в вороньем гнезде, стоит напуганный матрос: он знает, что в проливе курсирует английский флот, чтобы в последний момент захватить невесту английского короля, прежде чем она станет невестой наследника

Мария Стюарт

французского престола. А дитя видит лишь близкое, новое, видит лишь, что море синее, люди добры, а корабль мчится по волнам, дышит, словно огромное и сильное животное. Тринадцатого августа галеон наконец причалил в Роскове, небольшом порту под Брестом. К берегу направляются лодки. Испытывая детский восторг перед необычным приключением, смеясь, радуясь и ничего не подозревая, еще не достигшая даже шестилетнего возраста королева Шотландии прыгнула на землю Франции. На этом и заканчивается ее детство, начинаются обязательства и испытания.

Глава вторая

Юность во Франции

1548–1559 годы

Французский двор весьма искушен в благородстве нравов и безупречен в загадочной науке церемоний. Генрих II Валуа знает, что должно делать невесте дофина. Еще до ее прибытия он подписал указ о том, что «la reinette», маленькую королеву Шотландии, должны приветствовать во всех городах на ее пути так, как если бы она была его родной дочерью. Поэтому уже в Нанте на Марию Стюарт словно из рога изобилия посыпались очаровательные знаки внимания. Мало того, что на каждом углу сооружают галереи с классическими эмблемами, богинями, нимфами и сиренами, мало того, что настроение сопровождающей свиты оживила пара бочонков отличного вина, мало того, что в ее честь пускали фейерверки и давали артиллерийские залпы, — навстречу маленькой королеве маршировала еще и целая армия лилипутов, сто пятьдесят маленьких детей, все не старше восьми лет, одетых в белые платья, образуя нечто вроде почетного полка, с дудками и барабанами, миниатюрными пиками и алебардами. И так продолжалось повсюду, пока наконец беспрестанная череда празднеств не привела королеву-дитя Марию Стюарт в Сен-Жермен. Там девочка, которой не исполнилось и шести лет, впервые увидела своего жениха, слабого, бледного и рахитичного мальчика четырех с половиной лет от роду, изначально обреченного на болезни и раннюю смерть отравленной кровью, который робко и нерешительно при-

ветствовал свою «невесту». Остальные же члены королевского семейства приняли ее как нельзя сердечнее, восхищенные ее детской грациозностью, и Генрих II с восторгом называет ее в одном из писем «la plus parfait enfant que je vus jamès»¹.

В те годы французский двор был одним из самых блистательных и великолепных дворов в мире. Как раз миновало Средневековье с его мрачностью, но пока еще этот переходный период освещают последние романтические отблески заката эпохи рыцарства. Пока еще сила и мужество проявляются в радости на охоте, соревнованиях на лошадях и турнирах, приключениях и войнах, но духовенство уже понемногу занимает место среди правителей, а гуманизм, захвативший монастыри и университеты, начинает проникать в королевские дворцы. Из Италии победоносным шествием пришла во Францию папская любовь к роскоши, духовно-чувственное сластолюбие Ренессанса, радость от изящных искусств, а потому здесь в эту минуту мира образуется уникальное сочетание силы и красоты, мужества и беспечности: высокое искусство учит не бояться смерти и, несмотря на это, любить жизнь чувственной любовью. Естественнее и свободнее, чем где бы то ни было, во французском характере сливаются воедино темперамент и легкость, галльское «рыцарство» восхитительно сливается с классической культурой Возрождения. Предполагается, что аристократ одновременно может нанести противнику в латах сильный удар копьём на турнире и с грациозным изяществом исполнять искусные танцевальные фигуры, он должен одинаково мастерски овладеть грубой наукой войны и тонкостями законов придворной куртуазности; рука, размахивающая пудовым двуручным мечом в ближнем бою, должна уметь извлекать нежные

¹ Самый очаровательный ребенок, которого я когда-либо видел (*фр.*).

звучи из лютни и писать сонеты любимой женщине: сочетать в себе эти две стороны, быть сильным и нежным, грубым и воспитанным, опытным воином и человеком искусства — таков идеал того времени. Днем король и его дворяне вместе с исходящими пеной гончими псами преследуют оленей и кабанов, ломая копыя и раскалывая пики, а вечером все собираются в чудесных отреставрированных дворцах, в Лувре или Сен-Жермене, Блуа или Амбуазе, где господа и дамы предаются духовным развлечениям. Там читают стихи, поют мадригалы, сочиняют музыку, а маскарады пробуждают дух классической литературы. Присутствие множества прекрасных и разукрашенных дам, труды поэтов и художников вроде Ронсара, дю Белле и Клуэ придают этому пышному двору уникальную красочность и радость, расплескивающуюся по всем формам искусства и жизни. Как и вся Европа на пороге начала злосчастной религиозной войны, Франция в те времена переживала период культурного расцвета.

Кто жил при таком дворе и, самое главное, кто правил когда-то при таком дворе, вынужден был приспособляться к этим культурным требованиям. Он должен был стремиться к совершенству во всех искусствах и науках, его разум должен был быть столь же гибким, как и его тело. Одной из лучших и славнейших страниц в истории гуманизма навсегда останется тот факт, что необходимость разбираться во всех видах искусства была обязательной как раз для тех, кто хотел вращаться в кругах высшего света. Навряд ли в какое-то другое время так тщательно следили за тем, чтобы не только мужчины высших сословий, но и благородные дамы — и с этого началась новая эпоха — получили законченное воспитание. Как Мария Английская и Елизавета, Мария Стюарт тоже должна была изучать классические языки, греческий и латынь, а также современные: итальянский, английский и испанский. Од-

Мария Стюарт

нако благодаря ясному и быстрому уму, а также унаследованной от предков любви к культуре все усилия для этого одаренного ребенка превращались в игру. Уже в возрасте тринадцати лет она, изучавшая латынь по «Беседам» Эразма, выступила перед всем двором в большом зале Лувра с собственноручно составленной речью на латыни, и ее дядя, кардинал Лотарингский, с гордостью пишет матери Марии Стюарт, Марии де Гиз: «Ваша дочь так повзрослела, и ее внутреннее величие, красота и ум растут с каждым днем, отчего она уже столь совершенна во всех добрых и славных делах, насколько это вообще возможно, и в этом королевстве не найдется ни одной дочери благородного рода или иного сословия, которая могла бы сравниться с нею. Могу сообщить Вам, что она настолько по нраву королю, что бывают дни, когда он занимается ею одной больше часа, и она способна развлекать его разумными речами, как любая другая женщина в возрасте двадцати пяти лет!» И действительно, духовное развитие Марии Стюарт необычайно опережает ее возраст. Вскоре она уже настолько уверенно говорила по-французски, что решила писать поэзию, достойно отвечая на обожаемые строки Ронсара и дю Белле; и не только во время каких-то придворных игр, а именно в мгновения внутренней смуты с этого момента она, любящая поэзию и любимая всеми поэтами, начнет доверять свои чувства стихам. Однако ее необычайный художественный вкус проявился и в других формах искусства: она мило поет под лютню, ее танец называют не иначе как очаровательным, ее вышивки представляют собой образцы не просто умения, а невероятной одаренности; ее одежда все так же скромна, в ней никогда не найти помпезной перегруженности, как в тех похожих на колокола юбках, в которых расхаживает Елизавета; в своей девичьей грациозности она выглядит одинаково естественно как в шотландском килте, так и в шелковом придворном

наряде. Тактичность и чувство прекрасного заложены в Марию Стюарт с рождения, и эту изысканную и при этом не наигранную манеру держаться, навеки придавшую ей поэтическое очарование, дочь рода Стюартов сохранит даже в худшие свои часы как драгоценное наследие королевской крови и княжеского образования. Даже в спортивных достижениях она почти не отстает от самых ловких представителей этого рыцарского двора. Неутомимая наездница, страстная охотница, она ловко играет в мяч; усталость и утомление неведомы ее высокому, стройному и грациозному девичьему телу. Яркая и веселая, беспечная и спокойная, она пьет из всех чаш свою богатую и романтическую юность, не догадываясь, что тем самым невольно исчерпывает чистейшее счастье своей жизни: вряд ли найдется другой образ, в котором с такой отчетливостью воплотился бы рыцарско-романтический идеал женщины эпохи французского Возрождения, как в этом веселом и пылком дитяти королевской крови.

Однако благословили это детство не одни лишь музы, но и боги. Кроме удивительных духовных даров Марии Стюарт досталась еще и необыкновенная физическая грациозность. Едва ребенок превратился в девушку, а затем и в женщину, как все поэты тут же принялись восхвалять ее красоту. «К пятнадцати годам ее красота засияла, словно солнце в ясный полдень», — объявил Брантом, а дю Белле подхватил с еще большей страстью:

En vôtre esprit le ciel s'est surmonté
 Nature et art ont en vôtre beauté
 Mis tout le beau dont la beauté s'assemble¹.

¹ В вашей душе подчинено природе небо,
 А красота ваша — искусство во плоти.
 И нет другой такой красавицы (*фр.*).

Содержание

<i>Вступление</i>	5
<i>Действующие лица</i>	10
Глава первая. Королева с колыбели	14
Глава вторая. Юность во Франции	28
Глава третья. Королева, вдова и все же королева	42
Глава четвертая. Возвращение в Шотландию	61
Глава пятая. Камень приходит в движение.	80
Глава шестая. Великий политический рынок женихов	95
Глава седьмая. Второй брак	118
Глава восьмая. Судьбоносная ночь для Холируда.	137
Глава девятая. Преданные предатели	159
Глава десятая. Роковое стечение обстоятельств	177
Глава одиннадцатая. Трагедия страсти	197
Глава двенадцатая. Путь к убийству.	226
Глава тринадцатая. Quos dues perdere vult	245
Глава четырнадцатая. Безвыходный ход	267
Глава пятнадцатая. Низложение	294
Глава шестнадцатая. Прощание со свободой	310
Глава семнадцатая. Плетется сеть.	326
Глава восемнадцатая. Сеть затягивается	339

Глава девятнадцатая. Годы в тени	354
Глава двадцатая. Последний раунд	370
Глава двадцать первая. История заканчивается	384
Глава двадцать вторая. Елизавета против Елизаветы	410
Глава двадцать третья. «В моем конце — мое начало»	435
<i>Эпилог</i>	449

Літературно-художнє видання

ЦВЕЙГ Стефан
Марія Стюарт

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 10.07.2018.
Формат 84х108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Vodoni». Ум. друк. арк. 24,36.
Наклад 7300 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а.
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ЦВЕЙГ Стефан
Мария Стюарт

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюшик*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 10.07.2018.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Vodoni». Усл. печ. л. 24,36.
Тираж 7300 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»,
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а,
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

У юному віці Марію Стюарт було короновано в Шотландії і Франції. З дитинством довелося попрощатися, оскільки королеві потрібно бути жорсткою і мудрою не на свій вік. У шістнадцять років вона вийшла заміж, через рік — овдовіла. Из Франції вона повертається в рідну Шотландію, де їй належить правити своїм народом. Будь-яка помилка буде коштувати їй корони. Саме цього прагне кузина Марії — Єлизавета I, королева Англії. Налагодити стосунки з кузиною не вдасться, і Марія розуміє, що час дипломатії минув. У боротьбі за владу у неї є тільки два шляхи: перемогти за будь-яку ціну або програти.

Цвейг С.

Ц26 Марія Стюарт : роман / Стефан Цвейг ; пер. с нем. Е. Бучиной. —
Харьков : Книжний Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 464 с.
ISBN 978-617-12-5132-8

В юном возрасте Мария Стюарт была коронована в Шотландии и Франции. С детством пришлось проститься, ведь королеве нужно быть жесткой и мудрой не по годам. В шестнадцать лет она вышла замуж, спустя год — овдовела. Из Франции она возвращается в родную Шотландию, где ей предстоит править своим народом. Любая ошибка будет стоить ей короны. Именно этого жаждет кузина Марии — Елизавета I, королева Англии. Наладить отношения с кузиной не удастся, и Мария понимает, что время дипломатии прошло. В борьбе за власть у нее есть только два пути: победить любой ценой или проиграть.